

СЕРЕБРЯНЫЙ СИЛУЭТ В ЧЕРНОБЫЛЬСКОМ ОБЛАКЕ

Самый громкий протест по поводу закрытия атомной станции исходит из самого неблагоприятного места: от людей, которые работают там. Ну и что, если немного радиации, когда есть еда на столе?

Было время, когда Леонид Анискин боялся радиации. Но это было до того, как он приехал работать на Чернобыльскую атомную электростанцию. Он все еще помнит свой первый рабочий день. Это было в 1987-м, прошел год после того, как землетрясением сорвало крышу с блока четвертого реактора. "Все деревья в лесу, которые находились за станцией, погибли, — вспоминает он. — Иголки сосен стали красными и опали".

Солдаты закапывали радиоактивные стволы деревьев, когда он приехал в свою первую смену. Куда бы он ни смотрел, повсюду работали люди в масках и темных резиновых костюмах, и оранжевые бульдозеры убрали загрязненную почву.

Три неповрежденных реактора станции были в порядке и уже работали к тому времени, главные советские планировщики отдали приказ вернуть их обратно в строй. В то время, когда мир все еще не мог отойти от потрясения, вызванного катастрофой, радиация затронула огромную территорию Северной Европы, заставив эвакуировать более чем 100 тысяч человек. Кремль упорно бился над другой проблемой: где найти людей, желающих работать на пораженной аварийной станции?

Анискину в то время было 27 лет, чемпион-марафонец, недавно окончивший институт по

специальности инженера-акустика. Он и его жена Марина только что отпраздновали свою первую годовщину свадьбы и рождение сына Игоря. Как и большинство молодых пар, они жили в переполненном общежитии недалеко от аэропорта в Киеве в ожидании государственной квартиры в бездушном многоэтажном доме. В те дни молодые женщины, если не десятилетиями, пользовались общим душем и туалетом, перед тем как получить свою квартиру.

А это был тот самый случай, когда можно было получить жилье в обход общей очереди. Кремль строил новый город в 40 милях от Чернобыля — сразу за отселенной территорией. Зонай отчуждения, — город невообразимо роскошный по советским стандартам. Были задействованы самые лучшие строители для внедрения этого показательного проекта, и строительные бригады из восьми советских республик работали в две смены для того, чтобы построить жилые районы в своем традиционном стиле. Совершенно новые квартиры должны были быть построены в этом "образцовом городе", который Кремль окрестил Славутичем, а также была предоставлена высокооплачиваемая работа, в 10 раз превышающая среднюю заработную плату в стране. И все, что оставалось сделать Анискину, — это выиграть на этом фаустовском

советском тотализаторе, и он подал заявление о приеме его на работу на Чернобыльскую АЭС.

"Когда Игорь родился, — говорит он, — я решил предложить своей семье шанс лучшей жизни".

ТЕПЛОЕ И СВЕЖЕЕ СУББОТНЕЕ УТРО В СЛАВУТИЧЕ.

Мама прогуливаются с детскими колясками по центральной площади, и дети играют возле памятника героям Чернобыля. В Рижском квартале руководители

станции ухаживают за своими цветниками, в то время как счетчик Гейгера в шесть футов шириной, который расположен над входом в поликлинику со стороны крыла педиатрического отделения, уверяет, что уровень загрязнения составляет 15,5 микро-рентгена, — это почти столько же, сколько в Денвере, — если брать границы города, откуда загрязненная почва была вывезена.

Леонид Анискин уже пробежал свои ежедневные 10 миль и готовит завтрак для своей семьи и для меня. Приятный запах рыбы и жареной картошки наполняет освещенную солнцем комнату на втором этаже и медленно проникает в гостиную, где находится Игорь, сейчас это уже высокий и крепкий юноша. Он буквально прикован к телевизору, по каналу Евроспорт транслируют борьбу сумо. Анискин выносит кофейник и добродушно сжимает в замке голову сына.

"Ты не хочешь стать такими, как они?" — он насмехается в минимом ужасе, указывая на покачивающихся гигантов на экране.

"Папа становится слегка безумным, если это касается физических упражнений", — говорит Игорь, у которого, как и у отца, такое же искреннее лицо и такие же короткие, подстриженные под "ежик", волосы. Анискин отвечает уже другим приемом на обвинение. Его густые волосы за эти прошедшие 13 лет на висках приобрели серебристый оттенок, и, возможно, он на шаг или два отстает в скорости, но его мускулистое, в 5 футов и 9 дюймов, тело все еще может достойно нести его к финишу в марафонском беге, дистанцию которого он проходит за весьма приличное время — 2 часа 40 минут.

"Папа также любит рыбалку, — объявляет Игорь после того, как его отец ушел на кухню, — и мы всегда ходим вместе после "Друзей".

"Друзья" — дублированный на русский любимый фильм Игоря. Его можно видеть только по кабельному телевидению — чрезвычайно редкому зрелищу в республиках бывшего Советского Союза. В Славутиче кабельное телевидение доступно в каждом доме, и оно бесплатное — любезная услуга Чернобыльской АЭС.

(Продолжение на стр. 2)

СЕРЕБРЯНЫЙ СИЛУЭТ В ЧЕРНОБЫЛЬСКОМ ОБЛАКЕ

(Начало на стр. 1)

Игорю нравится жить в Славутиче. Он говорит, что здесь есть много того, чем можно заняться. За счет станции организируются музыкальные фестивали (недавно здесь блистала Ла Тоа Джексон), можно купаться и заниматься парусным спортом, баскетболом, футболом. Есть кружки изобразительного искусства, можно заниматься тяжелой атлетикой, дзюдо и гимнастикой. Даже есть детская лига бейсбола, которая существует с прошлого года и была организована консультантом Министерства энергетики США.

Ни у кого в городе, в том числе и у Игоря, нет недостатка в друзьях. Из 26 тыс. жителей Славутича 9 тысяч составляют дети в возрасте до 16 лет. Отцы города с гордостью заявляют об удивительной рождаемости, она самая высокая в посткоммунистической Украине. "Люди могут позволить себе иметь здесь детей", — объясняет Марина Анискина, когда мы садимся завтракать. "У нас была стабильность, — добавляет она, — это то, что отличало Славутич от других городов и населенных пунктов страны".

Анискины приносят в месяц домой сумму, равную 450 долларов США*, которая не кажется большой, если ее не сравнивать со средней заработной платой в Украине, которая составляет 38 долларов США. Более важно то, что на Чернобыльской АЭС платят вовремя и наличными. На других предприятиях зарплату выдают покрывая крышками или мешками с сахаром, или не выдают вообще.

"Я не думаю, что посторонний человек может оценить, до какой степени Чернобыльская АЭС выручала нас", — говорит она.

Марина Анискина — привлекательная женщина в свои 30 с лишним лет, у нее теплая улыбка, мягкие черты лица и волосы цвета знаменитых пшеничных полей Украины. Она родилась в советском Туркменистане, выросла в Одессе, где живут ее многие друзья и родственники, и расстроена тем, что некоторые отказались приехать навестить ее в Славутиче из страха радиации.

Это Марина первая подумала о переезде в Славутич. "Бывало, я сидела на своей детской кровати и мечтала о том, что у меня будет свое собственное жилище, — вспоминает она. — И когда представилась возможность получить квартиру, мы запрыгали от радости. Все было таким новым и чистым. И школы, и игровые площадки были такими красивыми. Я никогда в жизни ничего подобного не видела".

За годы проживания в городе и она, и ее муж, и другие жители города научились жить в условиях радиации. Единственное, без чего они не могут жить — это без Чернобыля. А Чернобыль закрывают.

В июне этого года Украинское правительство, которое унаследовало станцию в 1991 году и продолжало ее эксплуатировать для того, чтобы уменьшить свой собственный энергетический кризис, в конце концов подчинилось международному давлению и согласилось закрыть Чернобыльскую АЭС к 15 декабря. Мадлен Олбрайт, американский государственный секретарь, называет закрытие "подарком украинскому народу".

Но никто здесь так не считает. Поезд на Чернобыльскую АЭС отправляется от Славутича в 7.30. каждое утро. Время поездки составляет 40 минут, и пассажиры, чтобы сократить это время, урывками спят, играют в карты или читают газеты. Первая часть пути проходит по сельской территории, можно наблюдать фермерские хозяйства, стада коров, пастбища. Пейзаж спокойный, безмятежный. Но как только поезд пересекает границу Зоны отчуждения, видимый пейзаж уже нельзя воспринимать как нормальный. Двойные ряды забора из колючей проволоки и желтые знаки, указывающие на наличие повышенной радиации, извещают о внешней границе Зоны отчуждения. Спустя несколько минут появляются глубокие канавы, вырытые для того, чтобы предотвратить попадание радиоактивных осадков, включающие в себя цезий и стронций, которые выщелачиваются

в болотистую почву из водоотвода — в ближайший бассейн реки Днепр, откуда 36 миллионов украинцев берут питьевую воду.

Вскоре после этого проезжаем покинутые селения, заросшие сорняками, видим дома с отслаивающимися стенами, крыши, покрытые плесенью. Все разрушается, так как некому ухаживать. Радиационный уровень здесь находится в пределах от 15 до 43 микрорентген в час, и эти поселения уже больше не безопасны для проживания людей (от 25 до 30 микрорентген рассматриваются как предел).

Затем в поле зрения попадают два больших красных сооружения — это незавершенные корпуса пятого и шестого блоков Чернобыльской АЭС, их строительство было остановлено после аварии в 1986 году. Ярдом со ржавыми каркасами находятся расчищенные участки земли, это та территория, где должно было начаться строительство еще двух реакторов. Советские руководящие планировщики намеревались построить на этом месте самую большую станцию в мире, а вместо этого она стала самой печально известной АЭС.

По мере того как поезд приближается к станции, ландшафт приобретает серые промышленные оттенки. Толстые электрические линии свисают с трансформаторов высокого напряжения, и паропроводы проходят сквозь бетонный фундамент. Подъезжаем ближе, и уже на фоне низкого затянутого облаками неба можно видеть большие черные блоки Чернобыльской АЭС. Пассажиры, сдерживая зевоту, собирают свои вещи и проходят к двери.

Поезд останавливается у специальной герметичной платформы с голубыми стальными рифлеными стенами и резиновым полупрозрачным настилом. Затем мы переходим в коридор, где расположены радиационные детекторы величиной с телефонную будку, через которые проходят люди, возвращаясь с работы. Форма в Чернобыле — это со вкусом сшитый бирюзовый костюм, черные ботинки и дозиметр, который, как пейджер, крепится на пояс и в течение месяца измеряет накопленную дозу облучения каждого работника. Большие счетчики Гейгера установлены повсюду на станции. Один, расположенный над бронзовым бюстом Ленина у входа в административное здание, где работает бухгалтером Марина Анискина, показывает 88 микрорентген.

Ее муж пригласил меня посетить его на рабочем месте, и я принял его приглашение, но с некоторым чувством тревоги. Работа Анискина связана с работой в "саркофаге" — это что-то, похожее на гробницу из металла и цемента, которая закрывает 216 тонн урана и плутония, похороненные внутри развалин четвертого реактора. Его работа — одна из самых опасных на Чернобыльской АЭС.

"Саркофаг" расположен в конце станции, от третьего блока, который все еще в эксплуатации, его отделяет стена. Эта структура имеет приблизительно размеры баскетбольной арены, и ее ржавые грязные стены имеют мрачный оттенок боевого корабля. Счетчик Гейгера, показывающий 1430 микрорентген в час, установлен на высоте 100 ярдов перед электрифицированным ограждением, которое окружает "саркофаг". За этой границей радиация в Чернобыле уже измеряется в рентгенах. В одном рентгене миллион микрорентген, и в некоторых местах внутри разрушенного реакторного зала уровень радиации может достигать двух тысяч рентген в час, что в четыре раза превышает смертельную дозу. Я следую за Анискиным вниз по лестнице к проходу, который ведет вниз под ограждение в подземную раздевалку, где выдают специальные костюмы для работы в особо опасной радиационной зоне. Мы раздеваемся и затем надеваем защитную одежду: двойные белые из хлопка подштанники и нижние рубашки, высокие, как у астронавтов, ботинки, куртку, перчатки, маску и головной убор, напоминающий колпак повара, только укороченный.

Мы поднимаемся по другой лест-

нице и появляемся прямо у "саркофага". Поблизости, на поверхности мешанина из цемента и металлических листов. Стены саркофага неровные, под полостями можно видеть несколько щелей величиной с отпечаток ноги. "Нет ни одной заклепки или сварного соединения, скрепляющих их вместе, — объясняет Анискин. — Радиация была достаточно высока, чтобы строители могли подойти ближе".

Действительно, вся эта конструкция собиралась с использованием дистанционно-управляемых кранов и огромных военных вертолетов, которые сбрасывали металлические балки, песок и бетон на потерпевший аварию реактор. Те вертолеты и краны и 12 тысяч грузовиков, перевезших цемент и экскаваторы, которые использовались для очистки территории от последствий аварии, сейчас находятся на могильнике, расположенном в нескольких милях от станции, и до сих пор они слишком радиоактивны, чтобы до них дотрагиваться.

Мы входим в "саркофаг" — в то, что раньше было четвертым блоком Чернобыльской АЭС, — по узкой лестнице, которая расположена возле старого турбинного зала. На всех площадках расположены поддоны с водой, и мы должны наступать на них, с тем, чтобы не разносить радиоактивную пыль. Согласно оценкам, 30 тонн высоко загрязненной пыли покрывают бут изнутри. Следить за тем, чтобы эта пыль не поднималась, — одна из основных задач Анискина. Помещение блочного щита управления с трудом можно разглядеть, источники света и верхняя облицовочная плитка были удалены, так как они включали в себя большую часть электропроводки, циферблатов и кнопок от большой контрольно-измерительной панели и серповидного пульта управления в центре отделения. Здесь все покрыто полупрозрачной, сверкающей в темноте розовой пленкой. Это клей, за счет которого пыль намертво удерживается на стенах и потолке.

На одной панели кто-то краской из пульверизатора написал "4/26/86" — (дата взрыва), и сразу за блочным щитом управления, на том месте, что когда-то служило наблюдательным пунктом, находится плита из латуни и несколько пластиковых тюльпанов в память о Валере Ходемчук. Ходемчук был дежурным начальником ночной смены, и в 1.23, когда активная зона начала перегреваться во время эксперимента, который он проводил, автоматическая система останова реактора не сработала. Ходемчук бросился к наблюдательному пункту, как только давление внутри активной зоны достигло критической массы. Он испарился.

Бетонная стена шириной в три фута — это все, что отделяет нас от остатков активной зоны реактора, и это настолько далеко, как говорит Анискин, что для меня безопасно здесь ходить. Он мог видеть, что я страшно взмок от пота, и это не в результате 100-градусной жары внутри "саркофага". "Пойдем познакомимся с моим начальником", — говорит он, увлекая меня за собой вниз по коридору.

Мы вошли в станцию мониторинга, где его начальник Виталий Борец прослеживал температуру, нейтронную активность и гамма-активность. Борец — коренастый мужчина 60 лет. Он один из 547 человек шеститысячного первоначального персонала, кто вернулся на станцию после аварии. "Когда люди узнавали, что я эвакуированный из Чернобыля, они даже избегали подавать мне руку, как будто я был заразный".

Борец недоволен будущим закрытием, он говорит, что это глупо и бесполезно тем, где он и люди, подобные ему, будут жить. "Нам говорили, если мы переедем в Славутич и будем работать на Чернобыльской АЭС, то мы — патриоты, этим мы окажем огромную услугу родине. Хорошо, мы приехали сюда, мы получили свои дозы, и сейчас тебе говорят: "Большое спасибо и, пожалуйста, уезжай". Мне некуда ехать, — жалуется он. — Я сыт по горло тем, что тобой играют, как теннисным шариком".

Анискин вежливо перебивает сво-

его начальника, указывая на стенные часы. "Мы должны идти, — говорит он мне. — Тебе не следует оставаться здесь долго".

"Я могу понять, что он чувствует, — говорит он мне доверительно, когда мы идем обратно в раздевалку. — Правительство обещало заботиться о нас всю оставшуюся жизнь, если мы переедем работать сюда". Анискин — один из тех счастливых, кто будет работать после закрытия станции, по крайней мере, пять лет или до окончания строительства нового купола над существующим "саркофагом" стоимостью 750 миллионов долларов США, финансируемого международными организациями.

После того как я принял дезактивационный душ, измеряют мой дозиметр. Я провел 20 минут внутри блока четвертого реактора. Я был подвергнут воздействию радиации, равной одной сотой рентгена, или 10 тысячам микрорентген. "Ты будешь жить", — объявляет техник, вручая мне результаты показания дозиметра. Чтобы быть уверенным, позже я обратился к Александру Сичу, специалисту по ядерной безопасности и контролю Министерства энергетики США, для второго мнения. "Это почти та же самая доза, которую бы вы получили, совершив четыре перелета туда и обратно трансатлантическими рейсами", — заверяет он меня, объясняя естественным путем на больших высотах, вот почему измерения в Славутиче совпадают с измерениями, полученными в Скалистых горах. "Реальная опасность для рабочих Чернобыля, — добавляет он, — это длительное пребывание в радиационно-опасной зоне".

Мы выходим из "саркофага", солнце пробивается сквозь нависшие облака, рабочие направляются на обед. На Чернобыльской АЭС имеются четыре уютные столовые, и еда здесь бесплатная, украшенная со вкусом, она подается на столы, накрытые пестро-красными скатертями. Мне советуют остатки еды захватить с собой для того, чтобы покормить соба длинной в шесть футов, который живет в пруду-охладителе возле "саркофага". Усатое создание весит где-то до 300 фунтов и может целиком проглотить булку хлеба.

Отселенная зона вокруг Чернобыля изобилует дикими животными. В самом деле: директор станции Виталий Толстого недавно сбил лося своей машиной. А волки и кабаны сейчас бродят в пределах территории, равной тысяче квадратных километров, которая окружает человеческие поселения. Эта аномалия ставит ученых в тупик. "Млекопитающие вокруг станции получают такую дозу, которая, как мы знаем, должна быть смертельной, — говорит Майкл Х. Смес, профессор генетики из университета Джорджия, — но все животные оказываются здоровыми". Смес, однако, предупреждает, что внешность может быть обманчивой.

В этой зоне живет примерно 200 человек, в основном это старые крестьяне, которые проигнорировали запрет правительства возвращаться

в свои родные дома, откуда они были выселены. Один из них, Иван Туменок, крепкий 70-летний пенсионер, который выращивает овощи для себя. Он говорит, что он давно бы уже умер, если бы остался жить в безрадостном жилище в Киеве, куда советская власть переселила его в 1986 году.

Туменок живет в маленькой, тускло-голубой деревянной хижине на Пролетарской, узкой улочке недалеко от старого еврейского квартала рода Чернобыля. Это древний город в честь которого станция получила свое название. "Когда придет время, — говорит он, — мы все умрем. Моя жена и я решили умереть здесь, в нашем доме". Жена Туменка умерла в прошлом году от ракового заболевания в возрасте 60 лет.

Одно место, куда никто не вернулся в этой зоне, — Припять. Это старый жилищный проект Чернобыля, город, который сейчас закрыт для въезда и охраняется. Когда-то здесь жили 50 тысяч человек, в том числе и коллега Анискина, Сергей Павловский, который соглашается сопровождать меня в этот покинутый город.

Дверь его квартиры на первом этаже на проспекте Ленина широко открыта, и запах мха чувствуется уже за порогом. Во дворе дерево пробилось сквозь асфальт, вокруг все заросло, и вся эта картина напоминает декорации к фильму "Планета обезьян". Павловскому 37 лет. Он покинул город 14 лет тому назад, после как пришел приказ об эвакуации в связи с аварией на Чернобыльской АЭС. И в течение 36 часов все население было вывезено из города. Павловский явно взволнован, оказавшись опять в спальне комнаты своего детства. "Это моя коллекция плакатов", — говорит он грустно, стряхивая пыль с туалетного столика. На полу лежат его старые журналы "За рулем", советская версия журнала "Автомобиль и водитель", и камень, который кто-то швырнул в окно. Он поднимает камень и осторожно кладет его на туалетный столик. "Посмотрите внимательно вокруг, — говорит он, выражение его лица неожиданно становится необычайно горьким, — это может случиться и со Славутичем".

Список первой тысячи уволенных будет вывешен в октябре. "Уже сейчас, — говорит Анатолий Носовский, бывший руководитель службы радиационной безопасности станции, который сейчас возглавляет лабораторию в Славутиче, финансируемую Соединенными Штатами, — старшие научные работники начинают бежать со станции, некоторые наши специалисты переехали в Иран, — на лице промелькнула озорная усмешка, — и я уверен, другие последуют за ними".

Носовский — приветливый мужчина, в свои 50 с небольшим у него легкие, спокойные манеры, которые изобличают его военную подготовку. Перед тем как переехать в Славутич из Санкт-Петербурга, он проектировал системы ракетных двигателей на самых больших в мире подводных лодках, авианосце "Тайфун", который способен нести 200 ядерных боеголовок.